

УДК 130.31

КОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ КЛАССИЧЕСКОГО МОДЕРНА ПОСРЕДСТВОМ ФИЛОСОФИИ КАНТА

В.М. Масюкова

Аннотация

В статье предпринимается анализ отдельных параметров критической философии Канта с целью выявления в них тех методологических аспектов, что являются симптоматичными для способов мышления и функционирования культуры классического модерна.

Ключевые слова: социальная философия, Кант, модерн, культура модерна, коммуникативная модель, субъект-объектное отношение.

Целью обращения к ряду кантианских теоретических постулатов в данной небольшой статье является не собственно анализ философии немецкого классика самой по себе, а выявление посредством нее отдельных черт коммуникативной модели классического модерна.

Под коммуникативной моделью нами понимается способ взаимодействия мысли, слова и вещи в конкретном социокультурном пространстве и времени. Понятие коммуникативной модели отсылает к аналогичному, хотя и не до конца эквивалентному ему понятию «эпистемы», введенному М. Фуко, поскольку также позволяет фиксировать не исторический период с четко очерченными хронологическими рамками и не один из этапов зачастую монокаузально трактуемой эволюции идей, а определенную *форму вопрошания* человека, или, иначе говоря, «технику» его обращения с миром, формулирующую пределы и возможности культуры. Тип связи человек – мир, схваченный посредством концепта коммуникативной модели в синхроническом срезе, оказывается порождением некой негласной общественной конвенции и комплекса разнородных, подчас произвольных условий. Но в то же время данная связь проявляет себя как устойчивая, фундаментальная конструкция, поскольку проецирует свое действие на различные сферы бытия культуры, затрагивая каждый раз «способ подхода к решению проблем, а не то, в чем конкретно они заключаются» [1, с. 9].

Поставленная выше задача приводит к вопросу, ставшему знаменитым с тех пор, как Адорно сделал его центральным пунктом своей интерпретации кантовской этики: почему Кант, говоря о моральном действии, допускает и, более того, считает необходимым отождествление свободы и подчинения? Вопрос этот, предельно емкий, можно переформулировать иначе, не изменяя при этом его сути: действительно ли, провозглашая автономию мысли, ее отделен-

ность, с одной стороны, от априорных форм слова, с другой – от эмпирии вещного мира, Кант обнаруживает родство чистого разума, трансцендентальных оснований сознания и чувственно-воспринимаемой реальности?

Предварительный, требующий дальнейшего обоснования ответ на подобный вопрос, на наш взгляд, может быть таков: Кант находится в условиях такой коммуникативной модели, которая не предполагает противопоставление субъекта и объекта, но, напротив, постулирует идею их общей природы, поскольку – и это очень важно – вещь как таковая вообще выносится за скобки, ее функцию принимает на себя, с одной стороны, понятие вещи (вещь-для-нас), с другой – представление о ней (вещь-сама-по-себе). Потому противоречие, обнаруженное Адорно в кантианской теоретической системе, является противоречием лишь в том случае, если мыслить субъект и объект в качестве принципиально несводимых друг к другу начал. На последнее положение опирается коммуникативная модель позднего модерна, к которой принадлежит Адорно. У Канта как выразителя рациональной процедурности, характерной для классического модерна, субъект и объект имеют точки соприкосновения и взаимопроникновения, хотя и постулируются в качестве автономных инстанций: и понятие, и представление суть продукты деятельности сознания – индивидуального или всеобщего. Кантианский объект всегда идеален и символичен (гносеологичен), собственно мысль как источник движения (воли субъекта) обусловлена априорностью – своей трансцендентальной структурой – и потому реальна и укоренена в материи жизни (онтологична).

Не только априорное, но и апостериорное знание, по Канту, не определяется всецело взаимодействием с вещным миром, что аргументируется, к примеру, следующим высказыванием: «Из опыта мы узнаем, правда, что объект обладает такими или иными свойствами, но мы не узнаем при этом, что он не может быть иным» [2, с. 33]. Собственно, вещь дает лишь импульс ряду осуществляемых сознанием процедур, а его непосредственным объектом становится сфера должного как сфера понятий. Для сознания в интерпретации Канта важнее и принципиальнее знать, что есть должное и каким образом на основе синтеза не нуждающихся в опытного удостоверении суждений о должном и активаций, идущих от вещей, возникает нечто отличное от сознания, но в то же время его в себе узнающее, а именно представление.

В кантовской трактовке практического разума еще более выпукло представлен принцип незначительности эмпирического, а также идея двунаправленной деятельности сознания, обращенного, с одной стороны, к самому закону (и прежде всего, к его высшему проявлению – свободе), явленному в виде понятия, с другой – к представлению как экспликации этого закона на картину мира. Обосновывая возможность категорического императива, Кант фактически лишает практическую деятельность зависимости от эмпирической данности и, напротив, придает последней производный статус: «...*умопостигаемый мир содержит основание чувственно-воспринимаемого мира* (курсив Канта), стало быть, и *основание его законов*, следовательно, непосредственно устанавливает законы для моей воли (целиком принадлежащей к умопостигаемому миру)» [3, с. 111]. Таким образом, с воспринимаемой чувствами реальностью мира вещей, согласно Канту, нельзя не считаться только по одной причине, а

именно, в силу укорененности суждения о существовании этого мира в структуре трансцендентного содержания разума.

В соответствии с этим доопытное и послеопытное знания предстают не как различные, сменяющие друг друга этапы познавательной деятельности субъекта, направленной на изучение единого объекта, а как два несводимых друг к другу рода знания, предполагающие каждый – свой объект. В первом случае объектом выступает понятие, взятое в модусе вещи (назовем его понятием-как-вещью), поскольку оно облечено в стабильные априорные конструкты, во втором – представление в модусе слова как явления, укорененного, с одной стороны, в эмпирии, с другой – в рассудочных способах обработки чувственных данных (или представление-как-слово). Представляется, что с помощью известных терминов аналитического и синтетического суждений Кант дает определения обоим родам знания.

Для порождения аналитического суждения, пишет Кант, субъекту «незачем выходить за пределы понятия», ему лишь следует «расчленив это понятие, то есть дать себе отчет в многообразии, всегда мыслимом в нем» [2, с. 37] для того, чтобы обнаружить там требуемый предикат. Иначе говоря, аналитическое суждение включает в себе тип связи сознание – понятие и предполагает для своей реализации наличие устойчивой, объективной, подчиненной логике и закону сферы языка. Причем язык выступает здесь не средством для выражения мысли, а целью, к которой мысль направляется, дабы обнаружить там необходимое знание, и таким образом предстает в статусе вещи. Способом реализации такого рода знания, обращенного к понятию-как-вещи, становится удостоверение понятия, подтверждение его универсального статуса, припоминание (а не открытие вновь) его свойств – тех долженствований, которые образуют понятие и вытекают из него. Синтетические суждения, в отличие от аналитических, Кант интерпретирует как суждения, обращенные к представлению. В синтетических суждениях «связь предиката с субъектом» «мыслится без тождества» [2, с. 37], знания же должны «пользоваться такими основоположениями, которые присоединяют к данному понятию нечто не содержащееся еще в нем» [2, с. 41].

Очевидно, что сфера понятий-как-вещей мыслится Кантом вне противоречия между априорным и апостериорным способами познания, поскольку здесь происходит органическое слияние последних и вместе с этим – воссоединение индивидуальных потенций («максимы твоей воли») и общепринятых норм («принципа всеобщего законодательства»). Последнее становится возможным, поскольку «человечество представлено не как цель человека (субъективно), то есть как предмет, который действительно само собой делается целью, а как объективная цель, которая в качестве закона должна составлять высшее ограничивающее условие всех субъективных целей, каковы бы они ни были, стало быть, должна возникать из чистого разума» [4, с. 92]. Область представления-как-слова, напротив, оказывается вместилищем противоборства двух означенных начал – противоборства, суть которого заключена в вопросе: «как возможны синтетические суждения a priori?» [4, с. 41], или, иначе говоря, может ли порожденное индивидуальным представлением знание быть достоверным, то есть согласованным с комплексом всеобщих истин?

Различие между понятием и представлением как вещью и словом находит выражение в кантовских терминах «частное» – «публичное». «Частным» в знаменитой статье «Что такое Просвещение?» Кант называет подчиненность предзаданным формам априорных истин и безропотное следование им, при котором «не дозволено рассуждать, здесь следует повиноваться» [5, с. 29]. «Частное», таким образом, становится выражением фрагментарности и ограниченности, накладываемых трансцендентальными понятийными структурами на деятельность разума и – шире – принципами общественной конвенции, взятыми в модусе вечности как устойчивости, легитимности и объективной неизбежности, на человеческую жизнь в целом. Напротив, «публичное применение» разума предполагает его использование «кем-то *как ученым* (курсив Канта) перед всей *читающей* публикой» [5, с. 29] в соответствии с девизом: «*рассуждайте* сколько угодно и о чем угодно, но *повинуйтесь*» [5, с. 29]. «Публичное», будучи характеристикой представления вне предмета представления, позволяет субъекту стать открытым и разомкнутым, выражаемым в слове, которое, в отличие от вещи, постоянно воспроизводимо, и потому *относительно* свободным. В свою очередь, «частное» и «публичное» выступают двумя объектными формами проявления и реализации «всеобщего» как собственно разумного, то есть субъектного.

Таким образом, у Канта намечаются три ряда сходных, поясняющих друг друга терминов, а именно: мысль – чистый разум – всеобщее; слово – представление – публичное; вещь – понятие – частное. В этих понятийных рядах, на наш взгляд, содержатся несколько значимых симптоматичных моментов, характеризующих коммуникативную модель классического модерна в целом. Речь идет, прежде всего, об отсутствии в этой структуре объекта как такового и замене последнего представлением и понятием, исходящими от субъекта, а также об отношении к понятию – этому непосредственному продукту деятельности человеческого разума – как к вещи. Здесь следует вспомнить принцип, который был назван Ю. Хабермасом «принципом субъективности» и определен как структура «самоотнесенности познающего субъекта, который обращается к себе как к объекту, чтобы постичь себя словно бы в отражении – то есть “спекулятивно”» [6, с. 18]. Впрочем, в отличие от Ю. Хабермаса, настойчиво проводящего идею кантовского «одинок стоящего субъекта, который направляется к предметам и в рефлексии делает предметом самого себя» [7, с. 19], мы полагаем, что субъект у Канта, неоднократно подчеркивающего «систематическую связь между различными разумными существами через общие им законы» [4, с. 94], не одинок, более того, он подчинен трансцендентальным принципам и благодаря этому встроен в некое коммуникативное поле общезначимых смыслов и законов.

«Коммуникативный», производный характер кантовского субъекта был отмечен еще Т.В. Адорно, писавшим о том, что «всеобщность» разума у Канта предполагает особую сверхэмпиричность, которая «непрерывно должна быть связана с каждым отдельным человеком» [8, с. 19]. Подчеркивая в философии Канта неизменное «ограничение абсолютистских притязаний субъекта» [8, с. 44], Адорно фактически отвечает на поставленный им в центр интерпретации кантовской этики вопрос об относительном характере свободы следующим об-

разом: «...свобода каждого должна быть ограничена законом постольку и *только* постольку, поскольку она ограничивает свободу другого» [8, с. 140]. Действительно, кантовский трансцендентальный субъект обладает качеством всеобщности, которая есть не что иное, как детерминированность общезначимым принципом конвенции.

Сфера понятий-как-вещей, будучи подчинена априорным структурам, содержащим законы функционирования разума, в большей степени является атрибутом субъекта, нежели объекта, но – и данный парадокс напрямую соотносится с «коммуникативной», производной природой субъекта – при этом сфера понятий-как-вещей дана как неизменно сущий, не нуждающийся в оправданиях своего бытия трансцендентальный объект: «коммуникативность» у Канта есть выражение абсолютности, потому категорический императив и допускает совпадение максимы индивидуальной воли и принципов всеобщего законодательства. Что касается области представления-как-слова, являющей собой, в отличие от понятия-как-вещи, сферу сущего, а не должного, то здесь совпадение акта трансцендирования субъекта со всеобщими нормами не является априорным условием самого этого акта. Тем не менее, вне корреляции с абсолютной всеобщностью как с особого рода «публичностью» или «коммуникативностью» представление также не может быть осуществлено, поскольку единственно здесь оно реализует себя в модусе «есть», а не «должно быть».

Принято считать, что идейной основой модерна выступила диалектическая логика Гегеля, подкрепленная Марксовой социально-экономической и философской интерпретацией. Но если принимать во внимание неоднородность модерна социокультурной организации, то окажется, что гегельянско-марксистская традиция соответствует характеристике тех способов взаимодействия мысли, слова и вещи, которые составили фундамент позднего, радикализованного, движущегося к своему упадку модерна. Как представляется, необходимым условием для практической реализации коммуникативной модели классического модерна является обозначенное Кантом соблюдение дифференцированной корреляции понятия и представления как вещи и слова, подчинения и свободы, частного и публичного или – если продолжить далее ряд синонимичных концептов – ценности и смысла, закона и жизни, прошлого-будущего и настоящего временных модусов. Гегельянско-марксистский тип теоретического анализа предполагает посредством начального утверждения подобных дифференцированных корреляций их последующее «снятие» как своего рода нейтрализацию качества несводимости друг к другу двух инаковостей. Заметим также, что, в отличие от Гегеля, Кант не употребляет категории противоположности, предполагающей взаимообусловленность и возможное взаимопроникновение двух явлений, для него различаемость и отделимость понятия-как-вещи и представления-как-слова выступает эпистемной основой всякого акта культуропроизводства.

Вспомним, что классический модерн в аспекте живого существования порожденного им искусства представил такой тип коммуникативной модели, для которой оказалась характерной внеконтекстуальность, то есть фактически замена реального объекта представлением и понятием. В том типе музыкального творчества, что был впервые утвержден Бетховеном, наблюдается взаимодей-

ствии двух тенденций: с одной стороны, здесь очевиден приоритет стилевой традиции как своего рода априорности, аналогичной кантианским понятиям-как-вещам, с другой – стремление к непрерывной новации через самотрансцендирование и увековечивание каждый раз возникающего мгновения единения Я и мира в двойственном чувственно-интеллектуальном феномене представления-как-слова (отсюда – знаменитая, ставшая расхожей мысль об одновременном присутствии вечности и мига в бетховенской музыке).

С данным типом творчества соотносятся также конкретные способы трансляции музыкального искусства, впервые возникшие на рубеже XVIII – XIX столетий. Прежде всего, речь идет о сложившемся к этому времени оформлении музыкального произведения в виде текста или опуса как неизменного бытия, требующего абсолютной проявленности (детализированной фиксации на бумаге) и ориентированной не на сиюминутное потребление, а на устремленность в будущее. Идеально-объектная природа текста – этого уникального порождения музыкальной культуры классического модерна – позволяет вновь провести аналогию со сферой понятия-как-вещи. Область представления-как-слова оказывается сравнима с концертными способами трансляции текста в «публичном», «просвещенном» пространстве, также являющимися порождением классического модерна.

Summary

V.M. Masjukova. The Communicative Model of Classical Modern by Means of Kant's Philosophy.

The article contains analysis of some parameters of Kant's critical philosophy. The aim of this analysis is recognizing those aspects of Kant's methodological system which take a function of "communicative model" for the classical Modern's ways of thought and beings of culture.

Key words: social philosophy, Kant, Modern, culture of Modern, communicative model, subject-object relation.

Литература

1. Лангер С. Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства. – М.: Республика, 2000. – 287 с.
2. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского. – СПб.: ИКА «Тайм-аут», 1993. – 477 с.
3. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов / Пер. с нем. – СПб.: Наука, 2005. – С. 121–258.
4. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов / Пер. с нем. – СПб.: Наука, 2005. – С. 53–119.
5. Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Кант И. Сочинения: в 6 т. – М.: Мысль, 1966. – Т. 6. – С. 27–35.
6. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. – М.: Весь мир, 2003. – 416 с.

7. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. – СПб.: Наука, 2000. – 384 с.
8. *Адорно Т.В.* Проблемы философии морали / Пер. с нем. – М.: Республика, 2000. – 139 с.

Поступила в редакцию
23.01.08

Масюкова Вероника Михайловна – аспирант кафедры социальной философии и культурологии Казанского государственного университета.